

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА АНТАНАСОМ КРИШЧЮКАЙТИСОМ-АИШБЕ РАССКАЗА Ю. ФЕДЬКОВИЧА «КТО ВИНОВАТ?»

Зинаида Пахолок

Луцкий институт развития человека
Университета «Украина»

В статье рассмотрены культурно-исторические и социологические детерминанты деятельности литовского писателя в качестве переводчика. Уточнен перевод на русский язык его литературного псевдонима, в основу которого был положен структурно-семантический принцип образования. Особое внимание уделено рассказу «Кто виноват?» Ю. Федьковича. Украинский писатель поднял проблему, имеющую общечеловеческий характер – мечта о счастье и семейные обстоятельства, препятствующие этому. Затем эту же проблему исследовал И. Франко в пьесе «Украденное счастье», поставленную в Паневежисе. Знакомство А. Кришчюкайтиса-Аишбе с рассказом «Кто виноват?» состоялось опосредованно, с помощью русского перевода Н. Н. Златовратского. Установлено, что в основе двух переводов лежат идентичные социально-исторические условия и психологическое сходство художественного мышления творческих натур в решении главной проблемы литературы: человек и окружающая действительность. Проанализирована интерпретация рассказа Ю. Федьковича литовским переводчиком, связанная с трансформацией номинаций героев и локаций в переводе.

Ключевые слова: переводчик, литературный псевдоним, рассказ, пьеса, интерпретация, культурология.

Keywords: interpreter, literary pseudonym, story, play, interpretation, culturology.

В биографии литовского писателя и юриста Антанаса Кришчюкайтиса-Аишбе (Antanas Kriščiukaitis-Aišbė) особое место занимают переводы фольклора: латышская сказка «Как пан кобылу откармливал» (Kaip ponas kumelį perėjęs 1893); мемуаристики: очерк И. А. Бодуэна де Куртенэ «Иван Юшкевич» (Baudouin de Courtenay 1887a; 1887b); художественных произведений: рассказы Л. Н. Толстого «Упустишь огонь – не потушишь» (Tolstoj 1887; 1892; 1905; 1974) и «Суратская кофейня»

(Tolstoj 1893; 1901), новелла Ги де Мопассана «Бочонок» (Maupassant 1888; 1892; 1905; 1974), рассказ Ю. Федьковича «Кто виноват?» (Fedkovič 1891; 1892; 1905; 1974), отрывок «Быть или не быть?» из романа К. Фламариона «Урания» (Flammariion 1892), стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Сфинкс» (Turgenev 1892; 1974), повесть М. Йокаи «Сдвинем, мужчины, землю!» (Jokaij 1892; 1921), литературные сказки Х. К. Андерсена «Самое невероятное» (Andersen 1893a) и «Принцесса на го-

рошине» (Andersen 1893б), повесть Н. А. Рубакина «Кораллы и люди: старинное сказание из жизни далекого Востока» (Rubakin 1919). Переводы разных по стилю и творческим направлениям писателей были вызваны читательским интересом и активной жизненной позицией А. Крицюкайтиса-Аишбе, который первым познакомил с ними литовцев.

Перевод – это культурное наследие, так как через него осуществляется знакомство и постижение иного художественного пространства, без которого развитие национальной литературы и включение ее в мировой литературный процесс будет невозможным. На современном этапе принципиально важным направлением остается выявление контактов, связей и международных литературных взаимодействий, поскольку они свидетельствуют о глубинных процессах литературного развития и позволяют перейти от изучения внешних проявлений связи к анализу первопричин и сущности художественных явлений.

Выбор для анализа рассказа Ю. Федьковича «Кто виноват?» обусловлен тем, что это первый и единственный перевод классика украинской литературы в Литве. Немаловажным остается и тот факт, что А. Крицюкайтис-Аишбе переводил не с оригинала, а с русского перевода (Федькович 1890а, 2). Таким образом, перевод литовского писателя является свидетельством украинско-русско-литовских литературных взаимосвязей и по праву принадлежит трем культурам.

Антанас Крицюкайтис (1864–1933) родился в деревне Паежеряй Вилкавишского уезда в Сувалкии. Когда Антанасу исполнилось тринадцать лет, его

отец, богатый крестьянин, купил землю в селе Бугнай (Tumas 1925, 111). Это событие со временем стало основным мотивом литературного псевдонима писателя. А. Крицюкайтис использовал 16 псевдонимов (Lietuviškėji slapyvardžiai 1999, 373): все, за исключением двух криптонимов А.К. (Lietuviškėji slapyvardžiai 1995, 39) и К. (Lietuviškėji slapyvardžiai 1996, 159), являются вариациями на тему Антанас из Бугнай (Antanas iš Bugnų). Первыми псевдонимами были А.isz В. (Lietuviškėji slapyvardžiai 1995, 36), Antanas isz Bugnu (Lietuviškėji slapyvardžiai 1995, 83), Aiszbė (Lietuviškėji slapyvardžiai 1995, 61). Публикация перевода рассказа «Кто виноват?» вначале была подписана А.isz В. (Aišbė, 1891, 50), затем две прижизненные – Aiszbes (1892, 62–68) и Aišbė (1905, 52–58). В историю литературы писатель вошел с наиболее часто употребляемым псевдонимом Aišbė (Lietuviškėji slapyvardžiai 1995, 61), который возник из двух начальных букв имени и названия деревни, соединенных предлогом *iš* (из). Следовательно, в основе новообразования лежал структурно-семантический принцип, а не фонетический, связанный с забвением смысла. С этой точки зрения, учитывая внутреннюю форму слова, русское написание псевдонима должно быть следующим – Аишбе.

Будущий писатель на первых порах учился в Паежеряйской школе, а в 1876–1884 гг. в Марьямпольской гимназии. Это учебное заведение было очагом просвещения и воспитало много литовских интеллигентов.

В гимназические годы Крицюкайтис много читал. Книги Кристионаса

Донелайтиса (Kristijonas Donelaitis) «Времена года», Мотеюса Валанчюса (Motiejus Valančius) «Юзе из Паланги», Антона Юшкевича (Antanas Juška) «Свадебные обряды виленских литовцев» и другие пробудили в нем национальное самосознание (Sprindis 1974, 4). Под впечатлением прочитанного пробо-вал писать сам, а в 1883 г. перевел на литовский язык поэму А. С. Пушкина «Цыгане» и подал ее для печати в журнал „Aušra“ («Заря») (Tumas 1925, 129). Однако перевод не был напечатан и следы его затерялись.

С юных лет Антанас любил искусство. Еще ребенком вместе со своими родителями посещал все окрестные костелы. Его привлекало строительство культовых сооружений, их изысканная красота. Он мечтал изучать архитектуру в Академии художеств. Однако жизненные обстоятельства не позволили стать архитектором (Šmulkštys 1958, 152).

Получив хорошее образование, Кришюкайтис сразу по окончании гимназии поступает на математическое отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета. Но через месяц забирает документы и подает их на юридический факультет Московского университета. В этом учебном заведении было много выпускников Марьямпольской гимназии. Среди них Антанас Вилкугайтис-Кетуракис (Antanas Vilkutaitis-Keturakis), Пранас Машётас (Pranas Mašiotas), Пятрас Ляонас (Petras Leonas), Станислав Матулайтис (Stasys Matulaitis), Варфоломей Матусевич (Baltrus Matusevičius). Вместе с Кришюкайтисом они сплотили вокруг себя учащихся и работающих в Москве земляков и организовали Московское общество

литовских студентов, которое возглавил Пятрас Ляонас (Petras Leonas).

В студенческие годы состоялся дебют А. Кришюкайтиса как публициста и прозаика. Его статьи «Математическое описание земли» (Kriščiukaitis-Aišbė 1884), «Литовские фамилии» (Kriščiukaitis-Aišbė 1885), «Что нужно науке?» (Kriščiukaitis-Aišbė 1887a) и рассказы «В сельской школе» (Kriščiukaitis-Aišbė 1886), «Наши паны» (Kriščiukaitis-Aišbė 1887b), «Бричка» (Kriščiukaitis-Aišbė 1889) были опубликованы в литовских газетах и журналах. Все эти издания после запрещения, введенного царизмом в 1864 г. на литовскую печать латиницей, до 1904 г. печатались за рубежом. Поэтому требования представителей литовской интеллигенции, которые стояли на демократических позициях (к их числу принадлежали члены Московского общества литовских студентов), сводились к снятию идеологических ограничений и обеспечению широких возможностей для свободного развития духовной жизни народа. Возмущенные русификаторской политикой царизма, помещичьим произволом, они выступали за право пользоваться родным языком, предоставление социально-правовых гарантий каждому человеку. Этими благородными идеями было пронизано творчество начинающего писателя. Члены общества обязались писать рефераты и готовить каждый год минимум одну статью для прессы. Кришюкайтис был необычайно активным, его высоко ценили за организационные и литературные навыки.

Учась в университете, Кришюкайтис знакомится с рассказом Ю. Федьковича «Кто виноват?» (Федькович 1890a, 2) в

переводе Н. Н. Златовратского, прозаика, публициста и мемуариста, одного из самых видных представителей народничества в художественной литературе и поэтому известного в демократических кругах в конце XIX–начале XX в.

Если Антанас Кришюкайтис с детства был погружен в рустикальный быт, то Николай Николаевич Златовратский (1845–1911) – урбанист. Он родился во Владимире в семье чиновника канцелярии губернского предводителя дворянства, который «по образованию и происхождению, как и мать Златовратского, принадлежал к духовному сословию» (Венгеров 1894, 601; 1999, 297). Отец писателя открыл публичную библиотеку, а сын-гимназист помогал ему в работе. Один из двух братьев отца дружил с сокурсником по Главному педагогическому институту Н. А. Добролюбовым, который приезжал во Владимир для переговоров по изданию газеты «Владимирский вестник» (Златовратский 1956, 317). Оба дяди часто и подолгу гостили у родственников в деревне и брали с собой племянника Николая, у которого появился интерес к народной жизни.

Дела его отца пошли на спад, поэтому юноша, закончив гимназию в 1864 г., только год проучился в Московском университете. Из-за отсутствия средств к существованию он уезжает в Петербург, поступает в Технологический институт в надежде получить стипендию, но и здесь ожидания были тщетными. Приходилось зарабатывать на жизнь тяжелым трудом. В 1866 г. был объявлен конкурс на должность корректора в журнале «Сын Отечества». Для участия необходимо было подать рукописный материал собственного сочинения, поэтому Златовратский представил ста-

тью «По поводу появления значительного количества переводов» и был принят. Работа в журнале способствовала пробуждению страсти к писательству, которым юноша увлекся еще в гимназии. Об этом времени он рассказал в повести «В артели» (Златовратский 1891, 87–109). Первый рассказ «Падеж скота» появился в сатирическом журнале «Искра» поэта-сатирика и переводчика В. М. Курочкина, последующие печатались в сатирическом журнале «Будильник», в еженедельном обозрении «Неделя», в газете «Новости» и вошли в книжку «Маленький Щедрин». Известность ему принесла повесть «Крестьяне-присяжные» (Златовратский 1891, 27–86; 1988, 9–136), напечатанная в журнале «Отечественные Записки». Позднее здесь же вышли две повести «Устой (История одной деревни)» (Златовратский 1891, 195–437; 1912а; 1912б) и «Очерки крестьянской общины (Деревенские будни)» (Златовратский 1911в, 1–357), закрепившие за ним славу писателя-народника.

На сильные стороны писательского таланта Златовратского обратил внимание литературный критик и историк литературы С. А. Венгеров, давший им вполне заслуженную характеристику:

Его главные произведения – ценное пособие для всестороннего понимания народных «кустов»: это своего рода энциклопедия деревенской жизни, и притом будничной. Златовратский вводит нас именно в те мелочи, которые многим наблюдателям кажутся слишком дробными и бесцветными, но гораздо больше характеризуют основной фон народной жизни, нежели разные исключительные положения.

(Венгеров 1894, 601–602; 1999, 298–299)

Симпатия к украинской тематике у писателя-народника прослеживается во многих рассказах, где он рисует разные типы простых людей и передает сочную украинскую речь. В рассказе 1888 г. «Гетьман (Психологический очерк)», посвященном бедному студенту филологу Подопригора, Златовратский характеризует своего героя такими словами:

Да, он был хохол, истый хохол, упрямый, «мов той вїл», и вместе добродушный, любящий и нежный, как женщина: то бывал буен и порывист, как степной вихрь, то чаще всего грустен и задумчив, как воплощенная меланхолия, вечно мурлыкающий себе в усы свои «пісні» и «думки».

(Златовратский 1911а, 248)

В очерке 1895 г. «На могиле Шевченко (Из путевых воспоминаний)» писатель запечатлел путешествие на теплоходе в Канев на могилу великого украинца:

А вот, недалеко, у подошвы кургана, приютилась и она – эта крохотная, белая мазанка, тот роскошный палаццо, о котором мечтал бедный поэт, как о лучшем своем приюте, и которому теперь суждено оберегать и покоить лишь прах своего хозяина, да и тот добрый дух его, который невидимо витал над ним здесь.

(Златовратский 1911б, 431)

С 1877 г. и до конца жизни Н. Н. Златовратский сотрудничал с газетой «Русские ведомости». В ней были напечатаны художественные произведения, воспоминания, статьи о литературе и переводы с украинского рассказов Ю. Федьковича «Кто виноват?» (Федькович 1890а, 2) и «Бесталанный» (Федькович 1890б, 2).

В творческой биографии русского писателя И. Ф. Масанов (Масанов

1960, 197) зафиксировал 25 псевдонимов. Среди инициальных криптонимов Н. З. (Масанов 1957, 217), Н. Н. (Масанов 1957, 225), Н. Н. З. (Масанов 1957, 226), Н. Ч. (Масанов 1957, 235), N. Z. (Масанов 3, 325) встречаются криптонимы, полученные в результате пропуска гласных букв фамилии. Чаще всего они состоят не из одной буквы, а из нескольких Ч...н (Масанов 1958, 228), Н. Ч-н (Масанов 1958, 228), Ник. Ч-н (Масанов 1958, 228), И. Ч-р-в-н (Масанов 1958, 229), Ч-р-в-н-н (Масанов 1958, 229), Н. Ч-р-вр-н (Масанов 1958, 229), Н. Ч-р-в-н-н, (Масанов 1958, 229), Н. Ч-ъ (Масанов 1958, 230). Затем идут криптонимы, представляющие сокращение фамилии автора Н. З-атский (Масанов 1956, 383), Н. Зл-атский (Масанов 1956, 384). Отдельную группу образовали номинации, состоящие из слов и словосочетаний, которые могут восприниматься как самохарактеристика, написанная не без иронии: Золотой человек (Масанов 1956, 396), Калика Перехожий [Масанов 1957, 50], Н. Ч. Корректор (Масанов 1957, 73), Маленький Щедрин¹ (Масанов 1957, 175), Невидимка (Масанов 1957, 253), Николич (Масанов 1957, 269), Новый Баян² (Масанов 1957, 273–274), Череванин (Масанов 1958, 233), Н. Череванин (Масанов 1958, 233). Последние два псевдонима заимствованы у реальной личности – русского литератора и политического деятеля 1890-х гг. Н. Череванина. Щедрин, Баян и Череванин – это аллонимы, имена реальных людей, используемых авто-

¹ Щедрин – псевдоним известного писателя, современника Златовратского, М. Е. Салтыкова.

² Баян (Баян) – древнерусский поэт-певец, имя которого несколько раз упоминается в «Слове о полку Игореве».

ром для придания большего авторитета своему сочинению. Происхождение псевдонима Оранский (Масанов 1957, 300) не удалось установить. Возможно, это литературная маска, вымышленный автор, которому приписывалось произведение. Однако перевод рассказа Ю. Федьковича подписан настоящим именем Н. Златовратский (Федькович 1890а, 2).

Выдающийся представитель украинской литературы Юрий Федькович (1834–1888)³ родился в селе Сторонець-Путилов в Австро-Венгрии (теперь поселок городского типа Путила в Черновицкой области). Отец его – небогатый шляхтич Адальберт Федькович герба Сас – занимал незначительные правительственные должности. Мать – Анна – происходила из семьи украинского священника, однако в быту придерживалась крестьянских обычаев. Эту черту перенял у нее и сын, получивший начальное образование в домашних условиях, а затем два года проучившийся в реальной школе в Черновцах, где прошел хорошую подготовку по немецкому языку. На этом языке и начал писать молодой Федькович, отправившись зарабатывать на жизнь в Яссы и Пятра-Нямц. В 1852–1863 гг. он служил в австрийской армии, имел чин лейтенанта. В 1859 г. участвовал в австро-итало-французской войне.

Первые печатные произведения Федьковича – немецкая баллада и романтический рассказ „Der Renegat“ (1859), однако баллада, опубликован-

ная отдельно, была потеряна. Творчество на немецком языке писатель не прекращал до конца жизни, издав два сборника стихов („Gedichte“, 1865; „Am Tscheremusch. Gedichte eines Uzulen“, 1882) и напечатав ряд стихотворений в журналах.

Начинающий писатель испытал влияние черновицкой творческой молодежи, которая побудила писать Федьковича по-украински. Участвуя в походе в Италию, он в 1858 г. написал стихотворение на украинском языке «Ночлег» (Федькович 1985, 34), а через четыре года появился украинский сборник «Стихотворения Иосифа Федьковича» (Федькович 1862), ставший заметным событием в литературной жизни Западной Украины. Но из-за проблем со зрением в 1863 г. Федькович оставил военную службу и поселился в родном селе Сторонець-Путилове.

На формирование характера и мировоззрения будущего писателя влияли семейная среда, народное творчество, тогдашняя действительность. Главным источником творчества Федьковича была народная жизнь, которой жил сам писатель, его переживания за судьбы простых гуцулов, права на землю которых он защищал. Он был первым крупнейшим писателем Западной Украины⁴ до Ивана Франко.

⁴ Масштабность личности Ю. Федьковича с годами не померкла. В память о нем одна из улиц в Черновцах носит его имя. В городе установлены мемориальные доски на домах, где он жил и работал. В 1945 г. был основан Черновицкий литературно-мемориальный музей писателя; в 1974 г. в Путиле открыли музей-усаду в апреле 1989 г. именем Ю. Федьковича был назван Черновицкий государственный университет; 8 октября 1995 г. в Черновцах воздвигли памятник Ю. Федьковичу. В 1994 г. была учреждена городская премия Ю. Федьковича дляощрения педагогических работников.

³ Полное имя – Осип Доминик Гордынский де Федькович. Имя Юрий писатель избрал в 1863 г., когда перешел в православие. Тем не менее, до 60-х гг. XX в. в литературе встречается и католическое имя писателя, далее его именуют и переиздают произведения под именем Юрий Федькович.

Творчество Ю. Федьковича сыграло значительную роль в становлении демократических элементов западноукраинской литературы, поэтому И. Франко высоко ценил его как незаурядную личность и мастера слова Западной Украины и Буковины:

У него было все то, чего не имели галицкие «орлы и соколы»: был талант свежий и самородный, была способность заглядывать непосредственно в самые глубокие тайники жизни народной и человеческой души, было знание народных обычаев и народных типов, было знание человеческого общения и тот чарующий дар приема человеческих душ, которого не даст никакая наука и никакая рутина.

(Франко 1980, 76)

Одобрительные отклики критиков не замедлили сказаться не только в украиноязычной среде, но и нашли свое достойное место в истории славянских литератур:

Сочинения Федьковича явились в такое время, когда у галичан именно завязался спор о литературных направлениях. Его стихотворения и особенно рассказы, писанные с непосредственностью свежего, не школьного человека и с несомненным талантом, в стиле, близком к малорусскому и русскому реализму народных рассказов, явились новым свидетельством, что живая литература возможна только на живом языке.

(Пыпин, Спасович 1879, 433)

К художественным заслугам писателя необходимо отнести стилистику прозаических произведений; одной из первых на это обратила внимание Леся Украинка:

Федькович воспроизводит в художественной форме воспоминания юности, впечатления походов, разные поразившие его воображение события; все это

проникнуто теплым, глубоким чувством, любовью к изображаемым людям и природе буковинской. Эти повести своим красивым, чисто народным стилем и трогательной манерой напоминают малорусские повести Марка Вовчка. Можно сказать, что лучшего стилиста, чем Федькович, не было и нет среди буковинских и галицких писателей, и вообще сочинения Федьковича можно поставить наряду с лучшими образцами малорусской – и, пожалуй, не только малорусской, – народнической литературы.

(Леся Украинка 1977, 66)

Федькович изображал острые социальные и бытовые проблемы, показывал благородные моральные качества простых людей, поэтому неслучайно переводчиком его рассказов на русский язык выступил писатель-народник Н. Н. Златовратский.

В отличие от своих двух переводчиков Федькович не так активно пользовался псевдонимами, отчасти поэтому пока не существует точного их перечня. Все же известны следующие 14: криптонимы Ф (Нечиталюк 1960, 511), О. Ф. (Дей 1969, 278), Ф. Ф. (Дей 1969, 416), von J.R. (Ковалець 2011, 181); псевдонимы, включающие личные антропонимы Осип Домінік (Дей 1969, 145), Ігор Гординський (Дей 1969, 125), Юрій Косован (Дей 1969, 208) и обозначающие этническую принадлежность автора Гуцул-Невір (Дей 1969, 132; Ковалець 2011, 313–314), Нусуле (Дей 1969, 417), Усуле еін (Дей 1969, 426), вымышленные имена Городенчук (Дей 1969, 127), Марко Нестерюк (Дей 1969, 269), Один из тех, который смотрит обычно и из-за кулис (Ковалець 2011, 313), Один из тех, который мог бы много рассказать (Ковалець 2011, 313).

В 1863 г. во львовском еженедельнике «Вечерницы», идея создания которого принадлежала Федьковичу, увидели свет его первые прозаические произведения – «Любовь-погибель» (Федькович 1863а), «Сердце не научить» (Федькович 1863б), «Штефан Славич» (Федькович 1863в), объединенные темой трагической любви. Этой же теме был посвящен рассказ «Кто виноват?» (Федькович 1863г), подписанный Осип Федькович.

Большинство рассказов Федьковича, раскрывающих мир гуцульской жизни, появилось в галицких журналах. В 1876 г. М. П. Драгоманов издал отдельный сборник произведений Федьковича, написав к ним вступительную статью и примечания (Федькович 1876). Книгу с одиннадцатью рассказами и сопроводительное письмо он отправил в Париж И. С. Тургеневу, который не замедлил с ответом:

Искренне благодарю Вас за столь лестный знак внимания. Я успел – и без большого затруднения – прочесть Ваше предисловие – и могу сказать, что разделяю вполне Ваш образ мыслей – в чем я, впрочем, не сомневался, зная Ваши прежние труды и Ваше направление. Как только я прочту повести г. Федьковича – я позволю себе выразить Вам с полной откровенностью мое мнение. Заранее чувствую, что тут только и бьет ключ живой воды – а все остальное – либо призрак, либо труп.

(Тургенев 1966, 227–228)

С этим изданием был знаком Н. Н. Златовратский, о чем свидетельствует его статья «Рассказы Осипа Федьковича», предваряющая перевод рассказа «Кто виноват?», в ней он цитирует М. П. Драгоманова (Златовратский 1890, 2).

Рассказ «Кто виноват?» (Федькович 1863г), написанный после возвращения из армии в родном селе, представляет историю двух молодых людей⁵. Сирота Марко и Калина любят друг друга, но мать отдает дочь силой за богатого Микитулу. Во время ссоры Микитула замахивается топором на Калину. Но топор соскакивает с топорница и падает на него. Микитула мертв, а присутствующего Марка обвиняют в убийстве. Его арестовывают и сажают в тюрьму, где он в муках умирает. Калина лишается рассудка и умирает на руках у матери.

Творческая история написания рассказа «Кто виноват?» берет свое начало в гуще народной жизни. Сюжет рассказа навеян теми житейскими историями, с которыми Федькович был хорошо знаком, общаясь с простыми людьми, записывая их песни⁶. В рукописях писателя сохранился фольклорный сборник «Лучшие песни русского народа на Буковине», изданный после его кончины, в котором есть песня о любви бедного парня-сироты к богатой девушке. Ее родственники не разрешают дружить с неровней, но парень верит, что ему удастся вымолить Божье благословение и обвенчаться с любимой наперекор недругам (Народні пісні Буковини в записях Юрія Федьковича 1968, 71). Песня заинтересовала Федьковича своими

⁵ В фабуле и общей тональности произведения Р. С. Мишук нашел много общего с рассказом Марко Вовчок «Данило Гурч», поскольку «двух писателей восхищают бескорыстные и цельные натуры, которые не хотят подчиняться насилию, не могут предать свою мечту» (Мишук 1978, 85–86).

⁶ Фольклористическая и этнографическая деятельность Ю. Федьковича была замечена, и в 1873 г. писатель был избран членом Юго-Западного отдела Русского географического общества.

драматическими перипетиями. Она стала одним из источников поисков ответа на вопрос: кто виноват в человеческом несчастье?

Образы Марка и Калины писатель изображает в лирическом ключе, в духе народных песен. Марк – «молоденький парень», «хорошего роста», «румяный с лица», «белявенький». Калина – «тихонькая», «молоденькая». Они кроткие, робкие, но счастливые в своей любви. Характерам действующих лиц соответствует язык повествования, насыщенный песенными образами. Лиризмом проникнуты и диалоги героев, и речь автора. Словесные романтически-возвышенные пейзажи окрашивают события: «А вечные звезды все сияли над ними. Кто бы умел прочесть, что там написано!» (Федькович 1863г, 45). Лиричность повествования достигнута посредством стилистики: это фольклорные сравнения, метафоры, эпитеты, слова в «ласковой», «уменьшительной» форме, особая ритмомелодика: «звездочки», «сердечко», «душечка», «ангел», «голубка», «цветочек», «сизые», «славные», «молоденький» и т.п. (см. Пазяк 1974, 146–147).

В лаконичном рассказе Федьковича конфликт разворачивается динамично и напряженно, развязка наступает быстро и неожиданно (см. Нечиталюк 1963, 75–76). Такой нарратив хорошо воспринимается современным украинским читателем, размышляющим о превратностях судьбы, поэтому произведение неоднократно переиздавалось (Федькович 1976, 281–288; 1985, 275–280; 2010, 111–117).

Биографы Ю. Федьковича пока не установили, что было ранее написано – рассказ или стихотворение «А кто

виноват?», которое при жизни автора не было напечатано⁷, оно вошло в раздел «Стихотворения 1868–1876 годов» (Федькович 1960, 316). Фабула его такова: молодой Олесь мечтает жениться на соседской Оксане. Зная об этом, его дядя берет девушку в жены. Парень хочет утопиться, но молодая женщина начинает с ним заигрывать. «А кто виноват?» – спрашивает автор – виноват дядя, который сделал всех трех несчастными.

Теме ответственности за судьбу близкого человека посвящена и пьеса Ивана Франко «Украденное счастье», написанная через тридцать лет после рассказа Федьковича «Кто виноват?» (Франко 1979, 7–64). Два произведения близки по теме, народно-песенной основе (Франко творчески переосмыслил песню о жандарме), а также по присутствию в культурном поле Литвы.

Действие социально-психологической драмы «Украденное счастье» происходит в конце XIX в. в прикарпатском селе. Анну, чтобы не делить с ней отцовское наследство, обманули братья, сказав, что ее парень Михайло погиб на войне. Братья выдали сестру замуж за нелюбимого человека, намного ее старше, – тихого и смиренного Миколу. Михайло оказался в австрийской армии, а затем в жандармах. Вернувшись в село, он приходит к Анне, давняя любовь вновь вспыхивает, и все нравственные

⁷ Стихотворение было найдено в рукописном отделе Львовской библиотеки АН УССР и впервые напечатано в 1960 г. «Нетвердый и неуклюжий почерк автографа указывает на время тяжелой болезни Федьковича в начале 1863 года, но точную дату можно установить только после внимательного палеографического изучения рукописи» (Нечиталюк 1960, 511).

обязательства терпят крах. Развязкой сюжета является момент, когда Микола в своем доме смертельно ранит Михайла топором (Франко 1979, 63). Умирая, Михайло не выдает Миколу, а всю вину берет на себя. Борьба за личное счастье заканчивается трагедией. В контексте этой пьесы возникает вопрос, кто виноват в случившемся? Кто у кого украл счастье?

Конфликт в пьесе Франко, имеющей длительную сценическую и кинематографическую историю⁸, и в рассказе Федьковича завязан на семейных отношениях, драматизм которых порожден социально-экономическими и правовыми причинами. Человеческие отношения регулируются не нравственными нормами, а имущественным цензом. Действие происходит в крестьянском мире, а средством, приведшим к трагедии, выступает один и тот же бытовой

---

⁸ Начало этой истории связано с театром Общества «Русская беседа» во Львове, где в 1893 г. постановщик спектакля Кость Подвысоцкий исполнил роль Миколы, Анну играла Антонина Осиповичева, а Михайла – Степан Янович. Сразу же пьеса стала самым популярным украинским произведением на западноукраинской сцене. В начале февраля 1904 г. «Украденное счастье», сыгранное труппой Панаса Саксаганского и Ивана Карпенко-Карого, впервые было представлено зрителям Надднепрянской Украины (См. Заболотна 2012, 442). В 1940 г. Гнат Юра поставил этапный спектакль на сцене Киевского театра им. Ивана Франко. С этого времени «Украденное счастье» постоянно в репертуаре театра, а в 1952 г. режиссером Исааком Шмаруком на Киевской киностудии была создана экранизация спектакля. Сценическая история пьесы в Украине была продолжена 10 сентября 1960 г. в Львовском оперном театре благодаря Юлию Мейтусу, написавшему оперу «Украденное счастье», либретто Максима Рельского. Это была вторая опера, первая появилась еще в 1924 г., когда чешский композитор Владимир Амброс (Vladimír Ambros) на либретто М. К. Заградниковой-Крапковой создал оперу, поставленную в 1925 г. на сцене оперного театра в Брно (См. Загайкевич 1986, 153–154).

предмет – топор. Здесь заметим, что орудием убийства у литературного героя Ф. М. Достоевского, Родиона Раскольникова, в столичном Петербурге также был топор⁹. Выбор орудия преступления был сделан персонажем Достоевского, в отличие от героев Федьковича и Франко, осознанно: «О том, что дело надо сделать топором, решено им было давно. У него был еще складной садовый ножик; но на нож, и особенно на свои силы, он не надеялся, а потому и остановился на топоре окончательно» (Достоевский 1983, 36).

Проблема, поставленная в рассказе «Кто виноват?», с которым литовский читатель был знаком вначале по трем публикациям (Fedkovič 1891, 1892, 1905), а позднее появилась четвертая (Fedkovič 1974), нашла сценическое воплощение в Паневежском драматическом театре в 1949–1961 гг., где шел спектакль по пьесе Франко «Украденное счастье» режиссера Юозаса Мильтиниса (Juozas Miltinis). В главных ролях выступали Регина Зданавичюте (Regina Zdanavičiūtė) – Анна, Вацловас Бледис (Vaclovas Blėdis) – Микола, Бронюс Бабкаускас (Bronius Babkauskas) – Михайло, Донатас Банионис (Donatas Banionis) – Бабич. Премьера состоялась 31 декабря 1949 г. А 8 ноября 1956 г. «Украденное счастье» впервые было показано в Каунасском драматическом театре (режиссер Юрий Оринянский). Роли исполняли: Анна – Бируте Раубайте (Birutė Raubaitė), Микола – Леонардас Зельчюс (Leonardas Zelčius), Ми-

---

⁹ Роман «Преступление и наказание» был написан в 1866 г., что позволяет рассматривать его с произведениями того же периода, созданными Ю. Федьковичем и И. Франко.

хайло – Лаймонас Нореика (Laimonas Noreika). 27 января 1996 г. состоялась премьера «Украденного счастья» в Русском драматическом театре Литвы: режиссер Эдуард Митницкий, перевод на русский язык Александра Дейча. В главных ролях – Людмила Гнатенко (Анна), Владимир Ефремов (Микола), Александр Агарков (Михайло).

Таким образом, можно утверждать, что произведения классиков украинской литературы Ю. Федьковича и И. Франко были достаточно хорошо знакомы читателю и зрителю Литвы. Пародоксальным же является факт отсутствия литературного перевода пьесы И. Франко на литовский язык¹⁰.

Перед тем, как перейти к переводу А. Крицюкайтиса-Аишбе, необходимо оценить русский перевод рассказа «Кто виноват?». Сопоставление оригинала и перевода позволяет утверждать, что Н. Н. Златовратскому удалось передать национальное своеобразие произведения, его стиль: настроение, динамику действия, сохранить локации и почти все имена. Видоизменению подверглись лишь четыре персонажа из девяти. Старуху Ю. Федькович назвал Матроной, латинским именем со значением ‘госпожа, мать семьи, матушка’. Переводчик использовал вариант имени в русской традиции – Матрёна. В оригинале героя зовут Микитула, а у переводчика – Никита, то есть Златовратский употребил вариант того же

имени, образованного от греческого слова νικητής – [nikitis] ‘победитель, завоеватель, покоритель’. В отличие от имен других персонажей эти два имени Златовратский не транслитерировал. Западноукраинский диалектизм ‘газди’ (газди) обозначает хозяев, но переводчик расширил семантику слова, поскольку перевел его как ‘богатеи’. В авторском тексте Марко разговаривает в тюрьме со старым гайдуком, а в переводе – со старичком-сторожем. Сложно сказать, по чьей вине – Златовратского или цензуры¹¹ – произошла трансформация образа надсмотрщика, который уже не воспринимается как человек с героическим прошлым¹².

Переводческая концепция Н. Н. Златовратского заключалась в постижении смысла подлинника, правдивом воссоздании внутреннего мира героев и верности духу оригинала. Адресатом выступил русский читатель, для которого описанная история – это история людей, живущих по соседству, возможность лучше понять и прочувствовать их проблемы. Русский переводчик показал себя вдумчивым и преданным ав-

¹¹ Как верно заметил И. Левый, «...творческий процесс переводчика труднее изучить, чем процесс создания оригинала, поскольку его следы даны нам лишь в языковом выражении, обычно в тонких смысловых оттенках, а ведь именно в творческий процесс переводчика чаще всего вмешиваются и редакторы журнала или издательства и другие правшики» (Левый 1974, 217–218).

¹² Гайдуки – вооруженные повстанцы, которые боролись против национального угнетения Украины Австро-Венгрией в Галиции, Закарпатье, Буковине. В Центральной Украине сопротивление польскому засилью и Российской империи оказывали гайдамаки. Движение гайдуков (гайдамаков) в Украине было одной из старейших и самых длительных форм (XVIII–XIX вв.) военного противостояния оккупантам.

¹⁰ Обращение в Паневежский драматический театр им. Ю. Мильтиниса не пролило свет на этот вопрос, поскольку не удалось найти фамилию переводчика ни на афише спектакля, ни на машинописном экземпляре, служившем для читки актеров. На программке Каунасского драматического театра указана фамилия переводчика – Ю. Мильтинис.

тору истолкователем его замысла, поэтому включил перевод в свое собрание сочинений (Федькович 1897, 336–339). Но, несмотря на это, в XX в. появилось новое прочтение этого произведения Б. А. Тургановым (Федькович 1959, 64–70; 1965, 79–87).

Сюжет рассказа «Кто виноват?» и его мастерское изложение русским переводчиком затронули молодого А. Крицюкайтиса-Аишбе, который под влиянием прочитанного переводит произведение на литовский язык, подражая манере письма буковинского автора (в исполнении Златовратского). Но переводческая стратегия Крицюкайтиса-Аишбе отличалась от стратегии русского писателя: Крицюкайтис стремился приблизить героев к восприятию литовского читателя, поэтому изменил имена и локации, придав рассказываемой истории национальный литовский колорит.

В нашу задачу не входит подробный анализ перевода Крицюкайтиса-Аишбе. Остановимся лишь на двух основных моментах: на героях и топографии, то есть на том, что позволило переводчику адаптировать текст к литовским реалиям.

У Федьковича персонажи носят имена собственные (Матрона, Лавр, Калина и Олена, Марко, Микитула) и нарицательные (хозяева, старый гайдук, слесарь). В русском переводе сохранен тот же принцип использования двух видов именовании, но с некоторыми изменениями: Матрёна, Лавр, Калина и Олена, Марко, Никита, богатеи, старый сторож, слесарь.

В литовском переводе Крицюкайтиса-Аишбе имена собственные являются красноречивым свидетельством истории литовского быта и народного

духа. Имя отца Раулас – экзотическое для литовцев. Тем самым переводчик, скорее всего, хотел указать на немецкие корни героя¹³. Две его дочери Марюка и Оните названы ласкательными именами, образованными от древнееврейских имен Мария и Анна (Она). Эти популярные женские имена связаны с праздником урожая ржи, отмечаемым в Литве 26 июля в память о святой праведной Анне, матери девы Марии. Литовцы говорят: „Ona gera žmona: duoną kepė, su sviesteliu tepė“ (Она – добрая жена: хлеб печет, маслом смазывает), „Šventa Ona – šviežia duona“ (Святая Она – свежий хлеб).

Возлюбленного Марии переводчик назвал Йонасом. Данная форма литовского имени с древнееврейским корнем обозначает ‘благодать Божия’¹⁴ и встречается в пословицах: „Kam Jonas, o tau dėdė“ (Кому Йонас, а тебе дядя), „Šventas Jonas badmirys, o Ona bagota“ (Святой Йонас – голодная смерть, а Она богатая); „Pagal Joną ir keruė“ (русский аналог – «По Сеньке и шапка»). Вдовец в рассказе назван греческим именем, пришедшим в Литву из славянских языков, – Микитá (Kuzavinis, Savukynas 2009, 250).

А. Крицюкайтис-Аишбе использовал и нарицательные имена. Старуха у него безымянная, что подчеркивает негативное отношение автора к персонажу. Молодой парень – жмудин, то есть житель исторической области Жемай-

¹³ Немецкое имя Ральф (Ralf), которое означает ‘красный волк’, стало основой для испанского Рауль (Raul).

¹⁴ Первоначально так называли мальчиков в честь Иоанна Крестителя, поэтому не случайно это одно из самых распространенных мужских имен в мире. Русский аналог имени – Иван, украинский – Иван, болгарский – Иван, польский – Ян (Jan), русский – Йон (Jon) и т.д.

тия. Тюремный персонаж – не старый сторож, а старый надзиратель. Подобное именование должности лучше подходит к происходящим в рассказе событиям. Переводчик произвел еще одну замену: муж Оны – не слесарь, а кузнец. Слово ‘кузнец’ сопряжено с крылатой фразой „Kiekvienas savo laimės kalvis“ (Каждый кузнец своего счастья). Таким образом, произошло расширение семантики словоупотребления, и это придало тексту дополнительные смыслы и образность.

Неотъемлемый атрибут художественного произведения – топографический хронотоп, включающий время и пространство протекания сюжета. Текст рассказа Федьковича отражал современную действительность, поскольку события происходили во второй половине XIX в. на Буковине – историческом регионе, расположенном между течением Днестра и Карпатским хребтом в долинах верхнего течения Прута и Серета.

У Крицюкайтиса-Аишбе время не претерпело изменений. Однако герои помещены в локусы, связанные с Литвой. Старая жена Рауласа жила вместе с дочерьми в краю приморском, то есть на северо-западе, который населяли жмудины, к ним писатель причислил и Йонаса. Сваты приехали из далекого края у самой Польши, то есть с юго-запада. Сюда же муж увез молодую жену. Йонас, продавший свой дом и поле и пришедший к любимой, видя, что она несчастна, хотел утопиться в реке Неман. Когда парень оказался в некоем славном городе, то можно с большой долей уверенности предположить, что этим городом была Вильна (Вильнюс).

В те времена городская тюрьма располагалась во Дворце Слушки (Slušku rūtai)¹⁵, об этой тюрьме Крицюкайтис-Аишбе знал как будущий юрист, и именно туда он поместил своего героя. В тюрьме Йонас просит подвести его к окну, чтобы увидеть зеленеющую вдали гору. Этой горой могли быть вильнюсская Замковая гора или гора Трех Крестов.

Переложение текста рассказа «Кто виноват?» для литовского читателя, произведенное Крицюкайтисом-Аишбе, искусно и не вызывает никаких возражений, поскольку перевод с русского языка с внесенными изменениями воспринимается органично благодаря индивидуально-творческим способностям переводчика. Тип повествования, выразительные и изобразительные средства в переводе также связаны с художественным воплощением конфликта.

Если место А. Крицюкайтиса-Аишбе в национальной литературе определено «как труженика эпохи запретов и одного из первых послерассветных авторов повестей, начавших изображать сельскую жизнь и людей» (Mykolaitis-Putinas 1936, 318; 2008 433), то его переводческая деятельность не получила адекватного освещения. В посвященных Ю. Федьковичу статьях, опублико-

¹⁵ Дворец находится в Антакальнисе. Иконографические документы архитектуры Вильнюса позволяют проследить развитие и изменение его архитектурных форм (Drėma 1991, 341–345). Барочный дворец возведен в 1690–1700 гг. по заказу государственного и военного деятеля ВКЛ, воеводы полоцкого Доминика Михаила Слушки (Dominik Michał Słuszka). В 1831 г. царская власть приобрела помещение и устроила в нем казарму, а позднее каторжную тюрьму. В 1869 г. здание перешло в ведение Министерства внутренних дел и с 1872 г. использовалось как пересылочная тюрьма.

ванных в двух литовских энциклопедиях – Литовской энциклопедии, изданной в Каунасе, и Литовской энциклопедии, изданной в Бостоне, указано, что А. Крицюкайтис перевел его рассказ «Кто виноват?» на литовский язык и напечатал в «Литовском сельскохозяйственном календаре» в 1892 г. (Fedkovič Juozas 1940, 8: 26; Fedkovič-Hordynskij Osip 1955, 6: 191). Однако в Литовскую советскую энциклопедию (Fedkovičius Jurijus 1978, 3: 450) и Универсальную литовскую энциклопедию (Neporožnia 2004, 17) эта информация не включена, вероятно, из соображений лаконичности изложения, обусловленного форматом издания. В украинском сознании факт перевода произведения Федьковича на литовский язык отсутствовал: он не был зафиксирован ни в национальной энциклопедии (Пустова 1984, 550–551), ни в литературоведческих работах (Гуць 1986). Изменить эту ситуацию призвана публикация перевода Крицюкайтиса-Аишбе на украинском языке (Крицюкайтис-Аишбе 2017), которая дает возможность сравнить оригинал с интерпретацией переводчика.

Онтология переводного текста свидетельствует, что литовские интеллектуалы восторженно приветствовали выход книги А. Крицюкайтиса-Аишбе «Что истинно – то не ложь» (Kas teisybė, tai ne melas), где был опубликован перевод рассказа Федьковича. Однако, как Йонас Шлюпас (Jonas Šliūpas), они не давали характеристику этому переводу (Šliūpas 1892; 1971; 1977), или писали, как Бронюс Пранкус (Bronius Prankus), о переводах произведений Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ги де Мопассана (Bronius Prankus 1958, 187).

Иные, как Антанас Милукас (Antanas Milukas-Dzūkėlis) (Milukas 1892; 1971), Юозас Тумас-Вайжгантас (Juozas Tumas-Vaižgantas) (Tumas-Vaižgantas 1925; 2006), Винцас Миколайтис-Путинас (Vincas Mykolaitis-Putinas) (Mykolaitis-Putinas 1936, 314–318; 2008, 429–433), Ирена Косткевичюте (Irena Kostkevičiūtė) (Kostkevičiūtė 1956, 67–74), разбирали лишь оригинальные произведения писателя. В специальной статье «Переводы прозаических произведений зарубежных писателей на литовский язык (1880–1905)» Елена Куосайте (Elena Kuosaitė) больше внимания уделила переводческой работе тех писателей, которые старались создать творческий перевод (Kuosaitė 1958). В разделе типов вольного перевода литературовед проанализировала перевод-подражание А. Крицюкайтиса-Аишбе новеллы «Маленький бочонок» (“Le petit fût”) Ги де Мопассана (Kuosaitė 1958, 117–118). К сожалению, не стало исключением и предисловие Адольфа-са Сприндиса (Adolfas Sprindis) к переизданию книги Крицюкайтиса-Аишбе «Что истинно – то не ложь» (Sprindis 1974, 3–26), в котором перевод рассказа «Кто виноват?» не анализируется.

Если обратиться к новейшим исследованиям, то в книге «Ощущение творческого онтогенеза в литовской литературе конца XIX века. Постановка проблемы» Рамутиса Кармалавичюса (Ramutis Karmalavičius) представлен современный взгляд на литературное творчество Крицюкайтиса-Аишбе (Karmalavičius 2000, 303–360), но в фокусе культурософского исследования находится оригинальный рассказ «Бричка». Аналогично в «Истории ли-

товской литературы XIX века» представлена статья Элигиуса Даугнора (Eligijus Daugnora) и Реды Пабарчене (Reda Pabarčienė), в которой коротко излагается биография Крицюкайтиса-Аишбе и его творчество, но среди переведенных авторов имя Ю. Федьковича не указано (Daugnora, Pabarčienė 2001, 538–541).

Обзор существующей литературы позволяет высказать мнение, что перевод А. Крицюкайтиса-Аишбе в литовской литературной критике занимает очень скромное место, поскольку авторы ограничивались лишь указанием на факт существования такого перевода.

Между тем, культурная ценность перевода рассказа «Кто виноват?» несомненна – он присутствует в литовском литературном процессе. Однако отсутствие историко-литературной критики, которая обосновала бы выбор текста для перевода, определила место переведенного произведения в творчестве автора, не позволяют судить, по словам П. Торопа, об «осознании закономерностей поведения текста в чужой культуре» (Тороп 1995, 22).

Представленный в статье биографический и историко-литературный фон дал возможность проанализировать

переводческую деятельность Крицюкайтиса-Аишбе не только как прагматическую языковую и текстовую деятельность, но и как посредничество между разными культурами.

Историческая основа перевода рассказа Ю. Федьковича «Кто виноват?» в конце XIX в. свидетельствует об одинаковых ценностных ориентациях творческого метода автора и его переводчиков – Н. Н. Златовратского и А. Крицюкайтиса-Аишбе, а также о психологическом сходстве художественного мышления творческих натур в решении главной проблемы литературы: человек и окружающий мир.

Перевод Крицюкайтиса-Аишбе, в котором в полной мере реализовалась верность тексту, действительности и читателю, может и должен стать предметом детального обсуждения среди критиков и специалистов переводоведения.

Обращение к культурному наследию, которым является переводная литература, а в ней к произведениям, появившимся в Литве благодаря А. Крицюкайтису-Аишбе, воспитание культурой и осмысление исторических форм социального бытия служат приобщению к духовным богатствам нации в условиях глобализации современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

Венгеров, С. А. 1894. Златовратский Николай Николаевич. *Энциклопедический словарь в 86 т.* С.-Петербург. Т. 24. 601–602.

Венгеров, С. А. 1999. Златовратский Николай Николаевич. *Русский биографический словарь в 20 т.* Москва: ТЕРРА-Книжный клуб. Т. 7. 297–299.

Гуць, Г. Є. 1986. Юрій Федькович і західноєв-

ропейська література. *Українська мова й література в школі* 7, 76–78.

Дей, О. І. 1969. *Словник українських псевдонімів та криптонімів (XVI–XX ст.)*. Київ: Наукова думка.

Достоевский, Ф. М. 1983. *Преступление и наказание*. Москва: Художественная литература.

Заболотна, В. І. 2012. І. Франко «Украдене

- щастя». *Український театр ХХ століття: Антологія вистав*. Київ: Фенікс. 442–458.
- Загайкевич, М. П. 1986. *Музичний світ великого Каменяра*. Київ: Музична Україна.
- Златовратский, Н. Н. 1890. Рассказы Осипа Федьковича. *Русские ведомости* 53, 2.
- Златовратский, Н. Н. 1891. *Собр. сочинений в 2 т.* Москва. Т. 1.
- Златовратский, Н. Н. 1911а. Гетьман (Психологический очерк). *Златовратский, Н. Н. Собр. сочинений в 8 т.* С.-Петербург. Т. 7. 247–277.
- Златовратский, Н. Н. 1911б. На могиле Шевченко (Из путевых воспоминаний). *Златовратский, Н. Н. Собр. сочинений в 8 т.* С.-Петербург. Т. 7. 421–435.
- Златовратский, Н. Н. 1911в. Очерки крестьянской общины (Деревенские будни). *Златовратский, Н. Н. Собр. сочинений в 8 т.* С.-Петербург. Т. 8. 1–357.
- Златовратский, Н. Н. 1912а. Устои (История одной деревни). *Златовратский, Н. Н. Собр. сочинений в 8 т.* С.-Петербург. Т. 3.
- Златовратский, Н. Н. 1912б. Устои (История одной деревни). *Златовратский, Н. Н. Собр. сочинений в 8 т.* С.-Петербург. Т. 4.
- Златовратский, Н. Н. 1956. *Воспоминания*. Москва: Гослитгиздат.
- Златовратский, Н. Н. 1988. *Деревенский король Лир*. Москва: Современник.
- Ковалець, Л. М. 2011. *Юрій Федькович. Історія розвитку творчої індивідуальності письменника*. Київ: Академія.
- Крціюкайтіс-Аїшбе, А. 2017. Хто винен? *Всесвіт* 3/4, 189–194.
- Левый, И. 1974. *Искусство перевода*. Москва: Прогресс.
- Масанов, И. Ф. 1956. *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4 т.* Москва: Изд-во Всесоюз. кн. палаты. Т. 1.
- Масанов, И. Ф. 1957. *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4 т.* Москва: Изд-во Всесоюз. кн. палаты. Т. 2.
- Масанов, И. Ф. 1958. *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4 т.* Москва: Изд-во Всесоюз. кн. палаты. Т. 3.
- Масанов, И. Ф. 1960. *Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей в 4 т.* Москва: Изд-во Всесоюз. кн. палаты. Т. 4.
- Міщук, Р. С. 1978. *Українська оповідна проза 50–60-х років ХІХ століття*. Київ: Наукова думка.
- Народні пісні Буковини в записах Юрія Федьковича*. 1968. Київ: Музична Україна.
- Нечиталюк, М. Ф. 1960. Примітки. *Федькович Ю. Твори в 2 т.* Київ: Державне видавництво художньої літератури. Т. 1. 491–514.
- Нечиталюк, М. Ф. 1963. *Буковинський Кобзар*. Львів: Книжно-журнальне видавництво.
- Пазяк, М. М. 1974. *Юрій Федькович і народна творчість*. Київ: Наукова думка.
- Пустова, Ф. Д. 1984. Федькович, Юрій. *Українська радянська енциклопедія в 12 т.* Київ: Головна редакція Української радянської енциклопедії. Т. 11. Кн.1. 550–551.
- Пыпин, А. Н., Спасович, В. Д. 1879. *История славянских литератур в 2 т.* С.-Петербург. Т. 1.
- Тороп, П. 1995. *Тотальный перевод*. Тарту: Изд-во Тартуского университета.
- Тургенев, И. С. 1966. Письмо М. П. Драгоманову 9(21) марта 1876 года. *Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем в 28 т. Письма в 13 т.* Москва–Ленинград: Наука. Т. 11. 227–228.
- Українка, Л. 1977. Малорусские писатели на Буковине. *Леся Українка. Зібрання творів у 12 т.* Київ: Наукова думка. Т. 8. 62–75.
- Федькович, О. 1862. *Поезії Йосифа Федьковича*. Львів.
- Федькович, О. 1863а. Люба-згуба. *Вечерниці* 1, 1–4; 2, 10–13; 3, 18–22; 4, 26–29; 5, 33–35.
- Федькович, О. 1863б. Серце не навчити. *Вечерниці* 8, 58–60; 9, 66–69.
- Федькович, О. 1863в. Штефан Славич. *Вечерниці* 13, 99–102; 14, 110–112; 15, 120–121; 16, 126–127.
- Федькович, О. 1863г. Хто винен? *Мета* 1, 44–49.
- Федькович, О. 1876. *Повісті Осипа Федьковича*. Київ.
- Федькович, О. 1890а. Кто виноват? *Русские ведомости* 53, 2.
- Федькович, О. 1890б. Бесталанний. *Русские ведомости* 61, 2.
- Федькович, О. 1897. Кто виноват? *Златовратский Н.Н. Сочинения в 3 т.* Москва. Т. 1. 336–339.
- Федькович, О. 1959. Кто виноват? *Федькович О. Ю. Любовь-позибель: повести и рассказы*. Москва: Гослитгиздат. 64–70.
- Федькович, Ю. 1960. *Твори в 2 т.* Київ: Державне видавництво художньої літератури. Т. 1.

- Федькович, Ю. 1965. Кто виноват? *Федькович Ю. Любовь-погибель: повести и рассказы*. Москва: Художественная литература. 79–87.
- Федькович, Ю. 1976. Кто виновен? *Федькович Ю. Вибрані твори*. Київ: Дніпро. 281–288.
- Федькович, Ю. 1985. *Поетичні твори. Прозові твори. Драматичні твори. Листи*. Київ: Наукова думка.
- Федькович, Ю. 2010. Кто виновен? *Федькович Ю. Люба-згуба. Три як рідні брати*. Донецьк: Видавничо-книготорговий центр «Кредо». 111–117.
- Франко, І. 1979. Украдене щастя. *Франко І. Зібрання творів у 50 т.* Київ: Наукова думка. Т. 24. 7–64.
- Франко, І. 1980. Критичні письма о галицькій інтелігенції. *Франко І. Зібрання творів у 50 т.* Київ: Наукова думка. Т. 26. 74–93.
- Andersen, H. Ch. 1893a. Negirdėtas daiktas. *Negirdėtas daiktas ir geros rodos mūsų moterėlėms*. Tilžėje. 1–7.
- Andersen, H. Ch. 1893b. Tikra karalaitė. *Lietuvos ukininkų kalendorius metams 1894*. Vilniuje. 110.
- Baudouin de Courtenay, J. N. 1887a. Jonas Juszkewyczius. *Lietuwiszskasis balsas* 7, 84–87; 8, 98–101; 9/10, 123–125; 11/12, 149–151.
- Baudouin de Courtenay, J. N. 1887b. Jonas Juszkewyczius. *Garsas* 3, 2–3; 4, 2–3; 5, 1–3; 6, 1.
- Daugnora, E., Pabarčienė, R. 2001. Antanas Kriščiukaitis-Aišbė. *Lietuvių literatūros istorija. XIX amžius*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas. 538–541.
- Drėma, V. 1991. *Dingęs Vilnius*. Vilnius: Vaga.
- Fedkovič, J. 1891. Kas kaltas? *Lietuvos ukininku kalendorius ant meto 1892*. Vilniuje. 45–50.
- Fedkovič, J. 1892. Kas kaltas? *Aišbė. Kas teisybė, tai ne melas: „Aišbės“ sžesšios pataisytos ir naujai atspaudytos apysakėlės*. Tilžėje. 62–68.
- Fedkovič, J. 1905. Kas kaltas? *Aišbė. Kas teisybė – tai ne melas*. Vilnius: Aušra. 52–58.
- Fedkovič, J. 1974. Kas kaltas? *Kriščiukaitis-Aišbė, A. Kas teisybė – tai ne melas*. Vilnius: Vaga. 159–168.
- Fedkovič Juozas 1940. *Lietuviškoji enciklopedija. 10 t.* Kaunas: Leidėjas „Spaudos fondas“. T. 8.
- Fedkovičius Jurijus 1978. *Lietuviškoji tarybinė enciklopedija 12 t.* Vilnius: Leidykla „Mokslas“. T. 3.
- Fedkovič-Hordynskij Osip. 1955. *Lietuvių enciklopedija 35 t.* Boston: Lietuvių enciklopedijos leidykla. T. 6.
- Flammarion, C. 1892. Buti ar nebūti? (Iš astronomiško romano Flammariono „Uranie“). *Varpas* 8, 117–119.
- Jokaji, M. 1892. *Pajudinkime, vyraj, žemę!* Tilžėje.
- Jokaji, M. 1921. *Pajudinkime, vyraj, žemę!* Berlin.
- Kaip ponas kumelį perėjęs. 1893. *Ūkininkas* 3, 23–29.
- Karmalavičius, R. 2000. *Kūrybos ontogenezės pajauta XIX amžiaus pabaigos lietuvių raštijoje. Problemos ekspozė*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.
- Kostkevičiūtė, I. 1956. *Kritinis realizmas lietuvių prozoje XIX a. pabaigoje – XX a. pradžioje*. Vilnius: Valstybinė grožinės literatūros leidykla. 67–74.
- Kriščiukaitis-Aišbė, A. 1884. Matematiszrasis žemės apraszymas. *Aušra* 5/6, 206–211; 7/8, 254–256.
- Kriščiukaitis-Aišbė, A. 1885. Lietuvoszkos parvardės. *Aušra* 9, 273–274.
- Kriščiukaitis-Aišbė, A. 1886. Sodžiaus mokykloj. *Lietuvos ukininku kalendorius ant meto 1887*. Vilniuje. 26–28.
- Kriščiukaitis-Aišbė, A. 1887a. Kam reikalingas mokslas? *Lietuwiszskasis balsas* 5/6, 53–57.
- Kriščiukaitis-Aišbė, A. 1887b. Musu ponai. *Šviesa* 2, 72–85.
- Kriščiukaitis-Aišbė, A. 1889. Brička. *Lietuvos ukininku kalendorius ant meto 1890*. Vilniuje. 24–34.
- Kuosaitė, E. 1958. Užsienio rašytojų prozos kūrinių vertimai į lietuvių kalbą (1880–1905). *Literatūra* 1, 109–137.
- Kuzavinis, K., Savukynas, B. 2009. *Lietuvių vardų kilmės žodynas*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas.
- Lietuviškieji slapyvardžiai*. 1995. Vilnius: LNB BKC. T. 1.
- Lietuviškieji slapyvardžiai*. 1996. Vilnius: LNB BKC. T. 2.
- Lietuviškieji slapyvardžiai*. 1999. Vilnius: LNB BKC. T. 4.
- Maupassant, Guy de. 1888. Verpelė. *Lietuvos ukininku kalendorius ant meto 1889*. Vilniuje. 29–34.
- Maupassant, Guy de. 1892. Verpelė. *Aišbė. Kas teisybė, tai ne melas*. Tilžėje. 28–35.
- Maupassant, Guy de. 1905. Verpelė. *Aišbė. Kas teisybė – tai ne melas*. Vilnius: Aušra. 24–30.
- Maupassant, Guy de. 1974. Verpelė. *Kriščiukaitis-Aišbė, A. Kas teisybė – tai ne melas*. Vilnius: Vaga. 147–156.
- Milukas, A. 1892 [Dzūkelis]. Kas teisybė – tai ne melas. *Aišbės šešios pataisytos ir naujai atspaudytos apysakėlės. Vienybė lietuvininkų* 26, 309–310.
- Milukas, A. 1971. Kas teisybė – tai ne melas. *Aišbės šešios pataisytos ir naujai atspaudytos apysa-*

kėlės. *Lietuvių literatūros kritika*. T. 1: 1547–1917. Vilnius: Vaga. 281–283.

Mykolaitis-Putinas, V. 1936. Antanas Kriščiukaitis-Aišbė. *Mykolaitis-Putinas, V. Naujoji lietuvių literatūra*. Kaunas. T. 1. 314–318

Mykolaitis-Putinas, V. 2008. Antanas Kriščiukaitis-Aišbė. *Mykolaitis-Putinas, V. Raštai*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas. T. 11, Kn. 1. 429–433.

Neporožnia, N. 2004. Fedkovyč Jurij Osip. *Vi-suotinė lietuvių enciklopedija 25 t*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. T. 6. 17.

Pranskus, B. 1958. Antanas Kriščiukaitis-Aišbė (1864–1933). *Lietuvių literatūros istorija*. Vilnius: Valstybinė politinės ir mokslinės literatūros leidykla. T. 2. 184–187.

Rubakin, N. A. 1919. *Karoliai ir žmonės. Senovės pasaka iš Tolimųjų Rytų gyvenimo*. Vilnius.

Sprindis, A. 1974. Antanas Kriščiukaitis-Aišbė. *Kriščiukaitis-Aišbė, A. Kas teisybė – tai ne melas: rinktinė*. Vilnius: Vaga. 3–26.

Šliūpas, J. 1892. Kas teisybė – tai ne melas. Aiszbės szeszios pataisytos ir nauja atspaudytos apysakėles. Vilniuje 1892. 1. 68. *Apszieta. Literatūros ir mokslo mėnesinis laikraštis* 1, 73–74.

Šliūpas, J. 1971. Kas teisybė – tai ne melas. Aišbės šešios pataisytos ir naujai atspaudytos apysakėlės. Vilniuje 1892. 1. 68. *Lietuvių literatūros kritika*. Vilnius: Vaga. T. 1. 176.

REFERENCES

Dei, O. I. 1969. *Slovník ukrajinškykh psevdonimiv ta kryptonimiv (XVI–XX st.)*. [Dictionary of Ukrainian pseudonyms and kryptonites (XVI–XX centuries)]. Kyiv: Naukova dumka Publ.

Dostoevskii, F. M. 1983. *Prestuplenie i nakazanie*. [Crime and Punishment]. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ.

Fedkovych, O. 1862. *Poezii Iosyfa Fedkovycha*. [Poetry by Joseph Fedkovych]. Lviv.

Fedkovych, O. 1863a. Liuba-zghuba. [Love-destruction]. *Vechernytsi* 1–5.

Fedkovych, O. 1863b. Sertse ne navchyty. [Heart does not teach]. *Vechernytsi* 8–9.

Fedkovych, O. 1863c. Shtefan Slavych. [Stefan Slavic]. *Vechernytsi* 10–12.

Fedkovych, O. 1863d. Khto vynen? [Who is to Blame?]. *Meta* 1, 44–49.

Fedkovych, O. 1876. *Povisti Osypa Fedkovycha*. [Tale of Osip Fedkovych]. Kyiv.

Šliūpas, J. 1977. [“Kas teisybė – tai ne melas”]. *Šliūpas, J. Rinkiniai raštai*. Vilnius: Vaga. 200.

Šmulskštys, L. 1958. Kriščiukaitis Antanas. *Lietuvių enciklopedija 35 t*. Boston: Lietuvių enciklopedijos leidykla. T. 13. 152–153.

Tolstoj, L. N. 1887. Ugnis negesinama išsiplečia. *Lietuvos ukininkų kalendorius ant meto 1888*. Vilniuje. 24–34.

Tolstoj, L. N. 1892. Ugnis negesinama išsiplečia. *Aišbė. Kas teisybė, tai ne melas*. Tilžėje. 3–17.

Tolstoj, L. N. 1893. Surato kavinė. *Garsas* 38, 2; 39, 2.

Tolstoj, L. N. 1901. Surato kavinė. *Tėvynė* 32, 6; 33, 6.

Tolstoj, L. N. 1905. Ugnis negesinama išsiplečia. *Aišbė. Kas teisybė – tai ne melas*. Vilnius: Aušra. 3–14.

Tolstoj, L. N. 1974. Ugnis negesinama išsiplečia. *Kriščiukaitis-Aišbė, A. Kas teisybė – tai ne melas*. Vilnius: Vaga. 127–146.

Tumas-Vaižgantas, J. 1925. Antanas Kriščiukaitis. *Tumas, J. Lietuvių literatūros draudžiamojo laiko paskaitos*. Kaunas. 108–131.

Tumas-Vaižgantas, J. 2006. Antanas Kriščiukaitis. *Vaižgantas, J. Raštai*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas. T. 17. 399–417.

Turgenev, I. S. 1892. Sfinkas. *Varpas* 3, 45.

Turgenev, I. S. 1974. Sfinkas. *Kriščiukaitis-Aišbė, A. Kas teisybė – tai ne melas*. Vilnius: Vaga. 157–158.

Fed’kovich, O. 1890a. Kto vinovat? [Who is to Blame?]. *Russkie vedomosti* 53, 2.

Fed’kovich, O. 1890b. Bestalannyi. [Unstalled]. *Russkie vedomosti* 61, 2.

Fed’kovich, O. 1897. Kto vinovat? [Who is to Blame?]. *Zlatovratskii N.N. Sochineniya v 3 t. [Works in 3 v.]*. Moscow. Vol. 1. 336–339.

Fed’kovich, O. 1959. Kto vinovat? [Who is to Blame?]. *Fed’kovich O. Yu. Lyubov’-pogibel’: povesti i rasskazy*. Moscow: Goslitizdat Publ. 64–70.

Fedkovych, Yu. 1960. *Tvory v 2 t. [Works in 2 v.]*. Kyiv: Derzhavne vydavnytstvo khudozhnoi literatury Publ. Vol. 1.

Fed’kovich, Yu. 1965. Kto vinovat? [Who is to Blame?]. *Fed’kovich Yu. Lyubov’-pogibel’: povesti i rasskazy*. Moscow: Khudozhestvennaya literature Publ. 79–87.

Fedkovych, Yu. 1976. Khto vynen? [Who is to Blame?]. *Fedkovych, Yu. Vybrani tvory*. Kyiv: Dni-pro Publ. 281–288.

Fedkovych, Yu. 1985. *Poetychni tvory. Prozovi tvory. Dramatychni tvory. Lysty*. [Poetry. Prose. Dramatic writing. Letters]. Kyiv: Naukova dumka Publ.

Fedkovych, Yu. 2010. Khto vynen? [Who is to Blame?]. *Fedkovych Yu. Liuba-zghuba. Try yak ridni braty*. Donetsk: Vydavnycho-knyhotorhovyi tsestr "Kredo" Publ. 111–117.

Fedkovych Yuozas 1940. *Lietuviškoji enciklopedija. 10 t.* [Lithuanian Encyclopedia 10 v.] Kaunas: Leidėjas „Spaudos fondas“ Publ. Vol. 8.

Fedkovychus Yuriius 1978. *Lietuviškoji tarybinė enciklopedija. 12 t.* [Lithuanian Soviet Encyclopedia in 12 v.] Vilnius: Leidykla „Mokslas“ Publ. Vol. 3.

Fedkovych-Hordynskii Osip. 1955. *Lietuvių enciklopedija. 35 t.* [Lithuanian Encyclopedia in 35 v.]. Boston: Lietuvių enciklopedijos leidykla. Vol. 6.

Franko, I. 1979. Ukradene shchastia. [Stolen happiness]. *Franko I. Zibrannia tvoriv u 50 t. [Collected works in 50 v.]*. Kyiv: Naukova dumka Publ. Vol. 24. 7–64.

Franko, I. 1980. Krytychni pysma o halytskii intelihentsii. [Critical letters about the Galician intelligentsia]. *Franko I. Zibrannia tvoriv u 50 t. [Collected works in 50 v.]*. Kyiv: Naukova dumka Publ. Vol. 26. 74–93.

Huts, H. Ye. 1986. Yurii Fedkovych i zakhidnoievropeiska literatura. [Yuriy Fedkovych and Western European literature]. *Ukrainska mova y literatura v shkoli 7, 76–78*.

Kovalets, L. M. 2011. *Yurii Fedkovych. Istoriiya rozvytku tvorchoi individualnosti pysmennyka*. [Yuriy Fedkovych. History of the creative personality of the writer]. Kyiv: Akademiia Publ.

Krishchiukaitis-Aishbe, A. 2017. Khto vynen? [Who is to Blame?]. *Vsesvit 3/4*, 189–194.

Levyi, I. 1974. *Iskusstvo perevoda*. [The art of translation]. Moscow: Progress Publ.

Masanov, I. F. 1956. *Slovar' psevdonomov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyateli v 4 t.* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scholars, and Public Figures in 4 vol.]. Moscow: Izd-vo Vsesoiuznaia knizhnaia palata Publ. Vol. 1.

Masanov, I. F. 1957. *Slovar' psevdonomov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyateli v 4 t.* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scholars, and Public Figures in 4 vol.]. Moscow: Izd-vo Vsesoiuznaia knizhnaia palata Publ. Vol. 2.

Masanov, I. F. 1958. *Slovar' psevdonomov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deya-*

telei v 4 t. [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scholars, and Public Figures in 4 vol.]. Moscow: Izd-vo Vsesoiuznaia knizhnaia palata Publ. Vol. 3.

Masanov, I. F. 1960. *Slovar' psevdonomov russkikh pisatelei, uchenykh i obshchestvennykh deyateli v 4 t.* [Dictionary of Pseudonyms of Russian Writers, Scholars, and Public Figures in 4 vol.]. Moscow: Izd-vo Vsesoiuznaia knizhnaia palata Publ. Vol. 4.

Mishchuk, R. S. 1978. *Ukrainska opovidna proza 50–60-kh rokiv XIX stolittia* [Ukrainian narrative prose of the 50's and 60's of the XIX century]. Kyiv: Naukova dumka Publ.

Narodni pisni Bukovyny v zapysakh Yurii Fedkovycha [Folk songs of Bukovina in the records of Yuriy Fedkovych]. 1968. Kyiv: Muzychna Ukraina Publ.

Nechytaliuk, M. F. 1960. Prymitky. [Notes]. *Fedkovych Yu. Tvory v 2 t.* [Works in 2 vol.]. Kyiv: Derzhavne vydavnytstvo khudozhnoi literatury Publ. Vol. 1. 511.

Nechytaliuk, M. F. 1963. *Bukovynskiy Kobzar*. [Bukovinsky Kobzar]. Lviv: Knyzhno-zhurnalne vydavnytstvo Publ.

Paziak, M. M. 1974. *Yurii Fedkovych i narodna tvorchoist*. [Yuriy Fedkovych and folk art]. Kyiv: Naukova dumka Publ.

Pustova, F. D. 1984. Fedkovych, Yurii. [Fedkovych, Yuriy]. *Ukrainska radianska entsyklopediia v 12 t.* [Ukrainian Soviet Encyclopedia in 12 vol.]. Kyiv: Holovna redaktsiia Ukrainkoi radianskoi entsyklopedii Publ. Vol. 11. Book 1. 550–551.

Pypin, A. N., Spasovich, V. D. 1879. *Istoriya slavyanskikh literatur v 2 t.* [History of Slavic literatures in 2 vol.]. St. Petersburg. Vol. 1.

Torop, P. 1995. *Total'nyi perevod*. [Total translation]. Tartu: University of Tartu Publ.

Turgenev, I. S. 1966. Pis'mo M. P. Dragomanovu 9(21) marta 1876 goda. [Letter to M. P. Dragomanov on March 9 (21), 1876]. *Turgenev I. S. Polnoe sobr. soch. i pisem v 28 t. Pis'ma v 13 t.* [Complete works and letters in 28 vol. Letters in 13 vol.]. Moscow–Leningrad: Nauka Publ. Vol. 11. 227–228.

Ukrainka, L. 1977. Malorusskyye pysately na Bukovyne. [Littlerussian writers in Bukovina]. *Lesia Ukrainka. Zibrannia tvoriv u 12 t.* [Collected works in 12 vol.]. Kyiv: Naukova dumka Publ. Vol. 8. 62–75.

Vengerov, S. A. 1894. Zlatovratskii Nikolai Nikolaevich. [Zlatovratsky Nikolay Nikolaevich]. *Entsiklopedicheskii slovar' v 86 t.* [Encyclopaedic

dictionary in 86 vol.]. St. Petersburg. Vol. 24. 601–602.

Vengerov, S. A. 1999. Zlatovratskii Nikolai Nikolaevich. [Zlatovratsky Nikolay Nikolaevich]. *Russkii biograficheskii slovar' v 20 t.* [Russian Biographical Dictionary in 20 vol.] Moscow: TERRA-Knizhnyi klub Publ. Vol. 7. 297–299.

Zabolotna, V. I. 2012. I. Franko «Ukradene shchastia». [I. Franko «Stolen happiness»]. *Ukrainskyi teatr XX stolittia: Antolohiia vystav.* [Ukrainian Theatre in the 20th Century. Anthology of performances]. Kyiv: Feniks Publ. 442–458.

Zahaikivych, M. P. 1986. *Muzychnyi svit velykoho Kameniar.* [Musical world of the Great Kamenyar]. Kyiv: Muzychna Ukraina Publ.

Zlatovratskii, N. N. 1890. Rasskazy Osipa Fed'kovicha. [Stories by Osip Fedkovych]. *Russkie vedomosti* 53, 2.

Zlatovratskii, N. N. 1891. *Sobranie sochinenii v 2 t.* [Collected works in 2 vol.]. Moscow. Vol. 1.

Zlatovratskii, N. N. 1911a. Get'man (Psikhologicheskii ocherk). [Getman (Psychological essay)]. *Zlatovratskii, N. N. Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected works in 8 vol.]. St. Petersburg. Vol. 7. 247–277.

Zlatovratskii, N. N. 1911b. Na mogile Shevchenko (Iz putevykh vospominanii). [At the grave of Shevchenko (From travel memories)]. *Zlatovratskii, N. N. Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected works in 8 vol.]. St. Petersburg. Vol. 7. 421–435.

Zlatovratskii, N. N. 1911v. Ocherki krest'yansko-i obshchiny (Derevenskie budni). [Essays of the peasant community (Village weekdays)]. *Zlatovratskii, N. N. Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected works in 8 vol.]. St. Petersburg. Vol. 8. 1–357.

Zlatovratskii, N. N. 1912a. Ustoi (Istoriya odnoi derevni). [The foundations (History of one village)]. *Zlatovratskii, N. N. Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected works in 8 vol.]. St. Petersburg. Vol. 3.

Zlatovratskii, N. N. 1912b. Ustoi (Istoriya odnoi derevni). [The foundations (History of one village)]. *Zlatovratskii, N. N. Sobranie sochinenii v 8 t.* [Collected works in 8 vol.]. St. Petersburg. Vol. 4.

Zlatovratskii, N. N. 1956. *Vospominaniya.* [Memoirs]. Moscow: Goslitizdat Publ.

Zlatovratskii, N. N. 1988. *Derevenskii korol' Lir.* [The Village King Lear]. Moscow: Sovremennik Publ.

THE CULTURAL ASPECTS OF ANTANAS KRISHCHUKAJTIS-AISHBE'S TRANSLATION OF YU. FEDKOVYCH'S STORY *WHO IS TO BLAME?*

Zinaida Pakholok

S u m m a r y

The cultural, historical and sociological determinants of A. Krishchukajtis-Aishbe as an interpreter are considered in this article. His literary pseudonym's translation into Russian, which was based on the structural and semantic principle of education, was refined. Particular attention is paid to the story *Who is to Blame?* by Yu. Fedkovych. The Ukrainian writer raised an issue of universal character, a dream of happiness and the family circumstances that prevent it. Then, I. Franco investigated the same issue in the play *Stolen Happiness*, staged in Panevėžys. An

acquaintance of A. Krishchukajtis-Aishbe with the story *Who is to Blame?* was held indirectly, with the help of the Russian translation by N. N. Zlatovratsky. It is established that the basis of the two translations is identical in its sociohistorical conditions and the psychological similarity of artistic thinking of the creative natures in solving the main issue in literature: of the person and the surrounding reality. The interpretation of A. Krishchukajtis-Aishbe, connected with the transformation nominations of the characters and of the locations in the translation, is analyzed.

ANTANO KRIŠČIUKAIČIO-AIŠBĖS ATLIKTO J. FEDKOVIČIAUS APSAKYMO „KAS KALTAS?“ VERTIMO KULTŪRINIAI ASPEKTAI

Zinaida Pacholok

S a n t r a u k a

Straipsnyje nagrinėjami kultūriniai, istoriniai ir sociologiniai veiksniai, turėję lemiamą įtaką lietuvių rašytojo Antano Kriščiukaičio vertimo veiklai. Patikslintas jo literatūrinio slapyvardžio, sukurto re-

miantis struktūriniu-semantiniu principu, vertimas į rusų kalbą. Ypatingas dėmesys skiriamas J. Fedkovičiaus apsakymui „Kas kaltas?“ Ukrainiečių rašytojas į apsakymo centrą iškėlė bendražmogiškas proble-

mas – svajoną apie laimę ir jai kliudančias šeimos aplinkybes. Vėliau šią problemą gvildeno I. Franko Panevėžyje pastatytoje pjesėje „Pavogta laimė“. A. Krikščiukaitis-Aišbė pirmiausia susipažino su apsakymo „Kas kaltas?“ vertimu į rusų kalbą, atliktu N. N. Zlatovrackio. Nustatyta, kad abu vertimai artimi identiškomis juos lėmusiomis socialinėmis-istorinė-

mis sąlygomis ir meniškos prigimties asmenybėms būdingo kūrybinio mąstymo psichologiniu panašumu sprendžiant literatūroje dominuojančią žmogaus ir tikrovės priešstatos problemą. Straipsnyje išanalizuota A. Krikščiukaičio-Aišbės J. Fedkovičiaus apsakymo interpretacija, susijusi su veikėjų nominacijų ir tekste esančių lokacijų transformacija.

Приложение

Антанас Крицюкайтис-Аишбе Кто виноват? (Подражание Ю. Федьковичу)

О молодость, разве можно тебя забыть! Что случилось вчера – едва помню, но что тогда было – того нисколько не забыл.

Но никого я так хорошо не помню, как старую жену Рауласа, которая жила в краю приморском. О, это та еще старуха была, знали бы вы ее! Какие пастбища, какую скотину имела, а какое подворье себе возвела! Из самой Польши мастера строили!

Мужа, Рауласа, я не знал. Говорят, еще молодым ослеп и вскоре умер. Люди поговаривали, что ни в чем у него не было везения. Бывало, пчелы ли улетают, скотина ли разбредется и не возвращается, исчезает. Может быть, так ему на роду было написано или по какой-то другой причине: люди злы, знаете, не приведи Боже!

Еще говорят, после того как Раулас умер, молодая вдова рук не опустила, как любая другая на ее месте сделала бы, но занялась хозяйством. Бог ей и давал: раздобыла скот, завела пасеку, прикупила пастбищ и земли, настроила построек таких, каких ни у кого не было. И все это делала ради своих деток.

– Я им должна быть и за мать, и за отца, – говорила она.

А детишек было только двое: две доченьки – Марюка и Оните, обе как птички. А какие работающие! Прясть ли, шить ли, ткать ли – никто так не мог.

Но вот какое дело: жил рядом молодой парень, высокий, красивый, ясноликий Йонас. И полюбили Марюка Йонаса, а Йонас – Марюку. Друг без друга не могли жить. Бывало, зажгутся на небе звездочки, взойдет месяц, Марюка выхо-

дит из клетки¹, – шасть – и в палисадник: и ну друг с дружкой целоваться-миловаться.

– Йонасенька, что ты так печалишься? Расскажи!..

– О, Марюточка ты моя! Возможно, я только напрасно твои молодые дни загублю... Один я без отца, без матери, нет никого!.. А ты, Марюточка... – и он не может говорить – слезы катятся по лицу. – Девушка, брось, не люби ты меня!

– Ты, если захочешь, меня бросишь, а я тебя никогда, – промолвила она и так прижалась к нему, как листочек к сердцу.

– Нет, я тебя, Марютусечка, не забуду – на все Божья воля! – вскрикнул Йонас и целовался, пока не рассвело. А звезды над ними все светили. О, кабы кому прочесть, что на них написано!..

Воркуют наши голубки, а между тем приезжают сваты из далекого края, который, кажется, у самой Польши... Сватают Марюку за вдовца, несметно богатого...

– А как Господь вас занес в наш край? – спрашивает старуха.

– Ой, слышали, мамочка, птичка-соловушка щебетала, – и начали рассказывать, как старый Микита остался вдовцом, как от тех мастеров, которые работали у нее, узнали о Марюке, и вот теперь они приехали.

– Ищите подарки, – говорят, – там сотни лошадей, тьма-тьмущая скота, овец без счету, а молодой супруг – вдовец бездетный!

¹ Клеть – строение, которое не отапливалось и служило для хранения имущества или продуктов, а в теплое время года было жилым помещением. Прим. переводчика.

Старуха обрадовалась.

– Иди, – говорит, – дочка, покажи, что там у тебя напрядено, наткано!

Марюка ей в ноги:

– Маменька, моя маменька, не топи меня! Лучше нож в сердце вонзи – легче будет.

Старуха, кажется, и не слышит.

– Что ты знаешь! – говорит. – Ты еще молодая. Разве я не твоя мать? Иди, носи подарки!

Заставила, выдала дочь за вдовца.

После свадьбы старик увез молодую к себе. Из добра не взял ничегошеньки.

– Зачем мне, – говорит, – твоя доля и приданое, если у меня самого полон сундук денег!

Приехали. Ходит Марюка по новому дому, как не в себе. Больше ни о чем не думает, как только об одном Йонасе. А старик что ни скажет или ни сделает – все мимо ушей пролетает. Однажды в воскресенье сидят они каждый сам по себе: один смотрит в одну сторону, другой – в другую, ни словечка. Чу! во двор входит молодой мужчина весь в черном. Почтительно поздоровался.

– Откуда ты, парень? – спросил старик. – Куда идешь?

– Жмудин², – говорит, – иду батрачить.

– Так иди ко мне.

– Хорошо.

– А жалование какое хочешь?

– Сколько всем положено, – говорит, – столько и мне дайте.

– Хорошо. То прошу в дом.

Сказал старик и ушел, спорбившись, к жиду. Видел он свою беду и чаркой водки надеялся ее залить: почти каждый день напивался.

А дома молодлица сама не своя ходит.

– Йонасечка, душа моя, покинь ты нас, покинь, не рви мое сердце!

Он шапку в руки.

– Пойду, – говорит, – пойду, брошусь в Неман...

Она его за руку.

– Нет, не ходи, не ходи или возьми и меня с собой!

Обнялись, молчат и плачут.

– А почему снова у тебя синяки под глазами? – спросил он и, плача, снова ее целует.

– О, Йонасечка, ты не знаешь, как он меня бьет!.. Ах, как он меня бьет, бьет... Ты не слышал?..

– Слышал, душенька ты моя, слышал. Провел дом и поле, а сам сюда пришел. Думаю, не дам растоптать свой цветочек. Тебя в обиду не дам!

Говорит так и целует. А тут старик из корчмы пьяный-пьяный! И напрямик к жене.

– А почему ты меня не любишь? Ты такая-сякая!

Она молчит.

– Почему ты меня не любишь? Я тебя спрашиваю.

Она все молчит.

– Ух!! – замахнулся топором и метит ей в голову, а Йонас хватить его за руку:

– Стой!

Старик поднял крик. Хотел ударить топором. Топор соскочил с топорича и прямо ему в висок. В мгновение ока упал и лежит бездыханный.

Йонаса связали и в тюрьму посадили. Показал, что он старика зарубил. Марюка словно разума лишилась. Ничего не делает, сидит у окна и ждет. Не видать ли ее Йонасеньки? Куда пропал миленький? А пропадал он в славном городе: в тюрьме на руках и ногах таскает тяжкие оковы. Месяц прошел – его похоронили.

Много раз рассказывал об этом старый надзиратель, который наблюдал за арестантом:

– Прихожу я, – говорит, – однажды в воскресное утро, а он лежит на кровати, руки на груди сложены.

Он долго-долго на меня смотрит: «Болею, дядя! – и хватить меня за руку: А не было ли кого, – говорит, – из наших?» – Нет, – говорю. А он уже даже забыл, где его родина. А что его любимая сошла с ума, он, может быть, даже и не знал. Когда его арестовали, она была не в себе.

– Я, дядя, старика не убивал, – говорит он, – хоть вы один мне поверьте, что я во всем этом не виноват.

Я пожал плечами, а он как начнет рыдать: «Боже, мой Боже! – говорит. – За что мне такая кара!»

– Молчи, – говорю, – парень, молчи, не гневи Бога! Он, Отец небесный, тебе поможет.

– Ах, уже довольно! – говорит и глаза закрыл. А потом снова повернулся ко мне:

– Я, – говорит, – дядя, хочу в окошко посмотреть!

² Жмудин – представитель литовской этнической группы в исторической области Жемайтия. Прим. переводчика.

Отвел я его к окошку. Оттуда далеко было видно до самой горы, которая вдали зеленела далеко-далеко за городом. А он смотрел, не отрываясь, затем как бросится к железным прутьям и начал рыдать! Уже не знаю, как те прутья не лопнули. – Иду, – говорит. И еще раз глянул на свои горы, прижался к холодному железу грудью и угас навечно...

– Йонас! – говорю. – Йонас!.. А он... он упал на меня, как подрубленное дерево.

Не раз это рассказывал старый надзиратель, а слезы, как горох, по его лицу катились.

Скоро весть об этом пришла в край приморский. Старуха привезла свою дочь домой. Но что из того, если она свою мать не узнает. – Кто ты такая? – все спрашивала.

– Ведь я, деточка, твоя мама! – говорит старуха, вытирая горькие слезы.

Она только головой качает.

– Нет, ты мне не мать, – говорит: – Разве ты моя мать?

Однажды в воскресное утро рано-ранехонько Марюка поднялась, умылась, причесалась и оделась как в церковь – красиво-красиво, даже голову цветами украсила.

А старуха уже помолилась. Господь милосердный, может быть, отпустит ей грехи. А Божья Мать, может, смилуется над ее несчастным ребенком.

А Марюка, опустившись на колени перед иконой Божьей Матери, словно ангел, молится. Солнце осветило ее красивое ясное лицо. Она протянула руки к матери:

– Матушка! Вставай и ты на колени и читай мне «Отче наш», а я за тобой буду повторять.

Старуха стала на колени перед иконой и начала читать молитву перед Божьей Матерью, потом «Святый Боже», а она вслед за матерью так внятно, так набожно повторяет. Только на «Отче наш» споткнулась.

– Мама! – вскрикнула она, показывая пальцем на окно. – Мама, смотри, мамочка!

– Дитяtko, что с тобой? На окне ничего нет. Марюченка, на окне цветы, твои цветы...

– Цветы, а между цветами мой Йонасенка. Смотри, смотри, мамочка, как он меня зовет! А какой он красивый! Ах, какой красивый, мамочка, какое ясное лицо... во лбу звездочка: смотри, мамочка, не звездочка ли?..

– Дитяtko! мое дитяtko, что с тобой происходит? Там никого нет. О, Господи!..

– Ах! – вскрикнула она, схватившись за грудь. – Иду, Йонасенка, иду!.. – и упала к матери на колени...

Через два года вышла замуж и Оните. А какая красавица выросла, брат ты мой! Старуха уже ее не сдерживала. – Иди, – говорит, – за кого сама хочешь.

Вот как теперь заговорила. А Оните выбрала себе мужа, известного во всей волости кузнеца. И что за кузнец! Какие ножи, топоры делал, таких нигде в мире не найти.

Недавно сказал, что собирается выковать такой крест на могилу Йонаса, какого еще в мире не было. Бог ему в помощь!

Перевод с литовского З. Пахолк

Получено: 2017, сентябрь

Принято: 2017, сентябрь

Адрес автора:

Луцкий институт развития человека

Университета «Украина»

Кафедра документоведения, информационной
деятельности и компьютерных

технологий

ул. Георгия Гонгадзе 5, каб. 309

43020 г. Луцк, Украина

E-mail: paholok@ukr.net